

личности в целом оправданно. Однако характеристика их могла бы быть более полной и разносторонней, если учитывать не только настроения Кидониса, отраженные в письмах, но и участие в общественной жизни, а также его научную активность. Кроме того, отмеченная в исследовании склонность Димитрия Кидониса к депрессиям может оказаться преувеличенной, поскольку для человека вообще характерно обращаться к письму именно тогда, когда он ощущает одиночество, неудовлетворенность, оторванность от близких и друзей, тоску по родным местам.

Ф. Тиннефельд первым из исследователей творчества Димитрия Кидониса обратился к характеристике его как личности. Результаты его наблюдений, несомненно, заслуживают внимания. Однако представленный им внутренний мир писателя дан только в нравственно-психологическом ключе. В работе отсутствует социальная характеристика Кидониса как личности, за исключением отмеченных уже нескольких строк, где констатируется сочувственное отношение византийского общества к бедным. Кроме того, освещение политической деятельности Димитрия Кидониса не сопровождается оценками его как личности государственного масштаба.

Основной заслугой Димитрия Кидониса как ученого Ф. Тиннефельд считает его переводы сочинений Фомы Аквинского. Однако не переводы, а речи, трактаты и письма Кидониса дают возможность исследователям восстановить как внутренний мир писателя, так и характер эпохи.

Исследовательский характер носят сюжеты, восстанавливающие отношение современников к Кидонису. Ф. Тиннефельд отмечает, что в глазах соотечественников Кидонис получал самые различные оценки: одни считали его отщепенцем и предателем, другие — вызывающим глубокое уважение ученым (с. 61). Неоднократно обращается исследователь к теме дружеских отношений Димитрия Кидониса с Николаем Кавасилой, Мануилом Палеологом, Иоанном Ласкарисом Калофером, Франческо Гаттилузо, Раденом, Тарханеотом. Небольшие исследовательские эссе восстанавливают отношение Кидониса к Иоанну Кантакузину, Иоанну V Палеологу. Кроме того,

издание переводов писем содержит биографические очерки адресатов Кидониса или лиц, упомянутых в его письмах: патриарха Исидора, латинского патриарха Павла, великого доместика Димитрия Палеолога, Феодора Милитениота, Мануила Рауля Метохита, Андрея Асания и др.

Поскольку византийские письма, как известно, были бедны историческими фактами, исследователь приводит свою интерпретацию тех намеков на события, которые содержатся в переписке. Кроме того, Ф. Тиннефельд, используя материал писем, формулирует основы идеологической позиции исследуемого автора. Например, на материале писем Димитрия Кидониса к Иоанну Кантакузину им восстанавливается официальная концепция императорской власти. Письма Кидониса к Кантакузину позволяют проследить отражение тезиса о божественном происхождении императорской власти⁹. Кроме того, как показывает материал писем, Димитрий Кидонис особое значение придавал природной, идущей от предков предназначенности Иоанна Кантакузина к выполнению высоких функций. Ведущие добродетели, обеспечивающие высокую награду, по мнению Димитрия Кидониса, — это философский склад ума, а также благоразумие и склонность к справедливости. Набор добродетелей Иоанна Кантакузина дополняется, соответственно письмам Кидониса, человеколюбием, кротостью и даже любовью к врагам (с. 96). Античными прообразами Иоанна Кантакузина как правителя Димитрий Кидонис называет Зевса, как воина — Александра Македонского, Геракла и Ахилла, как ратора и литератора — Демосфена, Одиссея, Нестора. Следует заметить, что отмеченный набор добродетелей Димитрий Кидонис не распространяет на других правителей, например на Иоанна V Палеолога, проявлявшего равнодушие к вопросам культуры (с. 200).

Появление комментированного перевода писем Димитрия Кидониса, представляющего собой добротную обработку эпистолярного наследия писателя, значительно расширяет возможности исследования политического, идеологического и нравственного климата, характерного для верхов византийского общества XIV в.

М. А. Поляковская

⁹ *Hunger H. Prooimion. Elemente der byzantinischen Kaiseridee in den Arengen der Urkunden.* Wien, 1964.

Корпус итало-византийских поэтов XIII в.

Итальянский византист Марчелло Джиганте издал две книги по византийской литературе. В возглавляемой Антонио Гарсиа неаполитанской серии исследований и публикаций по византийской и новогреческой филологии появилось

критическое издание сочинений византийских поэтов XIII в. из южноитальянской области Отранто¹, а серию статей М. Джиганте объединил особым сборником исследований о литературной жизни византийцев². Научные концепции уче-

¹ *Poeti bizantini di Terra d'Otranto nel secolo XIII/A cura di Marcello Gigante (Collana di studi e testi / Diretta da Antonyo Garzya, 7).* Napoli, 1979.

² *Gigante Marcello. Scritti sulla civiltà letteraria byzantina (Saggi Bibliopolis, 5).* Napoli, 1981.

ного, круг его интересов достаточно определенно представлены в сборнике его статей. Наиболее существен его вклад в разработку двух аспектов истории византийской литературы — роли античного континуитета в мире форм и образов византийской словесности, а также истории греческой литературы в Южной Италии. Важное значение имеет статья о понятиях «античный», «византийский» и «средневековый», открывающая сборник. Античный субстрат в принципе был явлением общим, сближавшим литературные традиции грекоязычного Востока и латиноязычного Запада римского мира. Стилистические и риторические традиции, присутствие в своих формах и византийской и западноевропейской средневековым литературам, также обнаруживают черты общности в историко-культурном развитии. Значение античной традиции в византийской литературе определено как декларациями самих византийских литераторов о приверженности «заветам» древних, так и многочисленными античными топосами, составляющими ткань византийских произведений. Вряд ли значение византийской литературы сводится к понятию «декаданса»; для М. Джиганте важнее аспекты позитивного вклада византийской литературной культуры. Любовь к античности, роднящая западноевропейскую и византийскую литературные традиции, воплощается, в частности, в темах колеса фортуны, жизненного круговращения, общих для обеих литератур (подробнее этот сюжет рассматривается в специальных статьях о теме нестабильности жизни у Евгения Палермского и у Феодора Метохита). Одновременно автономность и параллелизм путей двух средневековых культур яснее очерчиваются на фоне общих античных истоков.

С этих позиций интересен анализ итальянским византинистом латинской книжности в Византии, чему посвящена специальная статья. Особое значение для византино-латинских взаимовлияний имела Южная Италия, где происходили непосредственные взаимные контакты греко- и латиноязычных культур, осуществлялась переписка греческих книг, создавались литературные переводы. Если в XII в. при дворе Мануила I латинская культура находит благодатную почву для распространения в византийской среде, то в XIII в. уже сицилийский король Фридрих II называется вассалом ромеев — при показательном именовании Иоанна III Ватаца «вассалом греков».

На примере Максима Плануда анализируется интерпретация латинской литературы в Византии. С другой стороны, М. Джиганте исследует вклад в византийскую культуру поэтов, живших в Италии (например, Евгения Палермского), и византийцев, чья деятельность ассоциируется с характером творчества гуманистов (Феодор Метохит).

Таков концептуальный фон, на котором М. Джиганте публикует корпус произведений поэтов Отранто XIII в. Изда-

ние снабжено вводными исследовательскими статьями, итальянским переводом (в прозе), комментариями филологического и реального характера, а также индексами. Оценивая вклад итаलो-византийских поэтов в историю культуры XIII в., М. Джиганте отмечает определяющую роль в их творчестве, с одной стороны, византийской поэтической классики, в русле которой развивалось их творчество (что отразилось в языке, стиле, структуре их поэтических творений), с другой же стороны — особых условий культурно-исторического контекста Южной Италии (и Сицилии), характеризующихся категорией греческо-христианского гуманизма. Центром, где процветала итало-византийская поэзия, в то время стал монастырь Сан-Никола в Касоле. С ним и была связана жизнь авторов, издаваемых в настоящем корпусе итало-византийских поэтов XIII в., — Нектария, Иоанна Грасса, Николая Гидрунтского и Георгия Галлиполитанского.

Первый из них хорошо известен также под мирским именем Николая Гидрунтского. Он родился в 1155/60 г., получил образование в монастыре Сан-Никола, был учителем грамматики, переводчиком; в этом качестве он участвовал и в переговорах 1214/15 г. об унии в Константинополе, затем выполнял многочисленные дипломатические миссии в Никее и Риме. Последние годы — с 1219 по 1235 — был аббатом Сан-Никола. Плодотворный поемист, занимавшийся и каноническими вопросами, он оставил после себя и сборник астролого-геометрических текстов. Его же поэтические сочинения касаются прежде всего истории монастыря, с которым была связана его жизнь: он посвящает каждому из своих предшественников-игуменов поэтическую миниатюру, завершая этот цикл эпиграммой к самому себе, а также обращаясь и к своему, пока неизвестному, преемнику. В стихах он не только пишет о себе как об игумене, но и посвящает одну из эпиграмм собственному творчеству, рассказывая прежде всего о своих полемических сборниках.

Его поэтике свойствен характерный параллелизм образной логики: в стихотворении о живописце Павле Гидрунтском деятельность последнего ассоциируется с деятельностью апостола Павла; параллелизм здесь последовательно выдержан и в фигуре стиха, лексических повторах, стилистических рефренах. В обличительной эпиграмме на прелюбодейство нотариуса Мины параллелизм и сравнения строятся на образах античной языческой мифологии: Зевс и Гера. Икар и Дедал становятся предметом проводимых аналогий. Общефилософские же темы или этические наставления укладываются в одно-двухстрочные стихотворные речения. Поэту не чужды и социальные мотивы — страстно пишет он о своих завистниках, клеветниках, удручающих его сильнее молний, ветров и бурь.

Его учеником был следующий из издаваемых поэтов — Иоанн Фрасс. Нотарий в Отранто, сторонник Фридриха II,

при дворе которого он находился в середине 30-х годов, был магистром, начальником прошений и императорским траматиком; он характеризуется как поэт и философ, в чьем творчестве отразилось мировоззрение гиббелинов. С его именем связывается и грекоязычная переписка Фридриха II, редактором и составителем посланий которого и был Иоанн. Его поэтическим образом присутствия контаминация античной и христианской мифологий. Мотивы Гомера и Еврипида переплетаются с парафразами Септуагинты и агиографических текстов. Для понимания пьес поэта к античным мотивам наиболее характерна этопия на тему, что могла сказать Гекуба при падении Трои: ткань всего произведения составляют аллюзии на тексты различных трагедий Еврипида. Издателем отмечены многочисленные «гомеризмы», свойственные стилю итаलो-византийского поэта; встречается и ряд поэтических новообразований в лексике (*ἀπλοτόξοπυρφόρος, βριταροχειρόπους*) отмеченных, однако, печатью эпитичности. Драматизм, показательный для Иоанна Грасса, выражается в диалогической форме его поэтических творений, когда их содержание представляет собой беседу, спор героев. Отзвуком на политические события его времени являются ямбы по случаю взятия Пармы Фридрихом II в 1247 г.

Сочинения же Николая Гидрунтского (Никола ди Отранто), о котором по лемме одного из стихотворений известно как о сыне «магистра Иоанна» (т. е., по М. Джиганте, Грасса), носят чисто религиозный характер. Его эпиграммы — произведения, обращенные к святым, богородице, памятным местам (Фавор). Свообразием отличается и его поэтика; обилие неологизмов, гапаксов, лексических новообразований, редкостных слов отличает его поэтический стиль.

Если для Нектария характерна автобиографичность, для сочинений Иоанна Грасса — тяготение к античной древ-

ности, а произведения Николая Гидрунтского исчерпываются религиозной тематикой, то муза четвертого из издаваемых поэтов — Георгия из Галлиполи наиболее чутко откликается на политические события современности, на те или иные житейские моменты. Важные политические темы — приезд Иоанна Ватаца в Галлиполи, церковные смуты, взятие Пармы, обращение от имени Рима к Фридриху II — и частные эпизоды, например смерть сына городского доместика, составляют сюжетную основу главных произведений поэта.

Хотя его образование отмечено скорее специально-техническими, нежели общегуманитарными, чертами, его поэзии свойственна как лирическая страсть, так и очевидное художественное мастерство: игра слов, ассонансы и лексические параллелизмы — излюбленные приемы калабрийского поэта —
Ἦ παῦλα, Παῦλε, τῶν κακίστων δογμάτων, ἡ πέτρα, Πέτρe, τῶν κακίστων πραγμάτων...
 (р. 173, № 9).

Пьесетт как словесным раритетам свойствен и этому автору. Вместе с тем ряд образных моделей, топосов позволяет видеть в Георгии продолжателя традиций византийской поэтической классики — Феодора Продрома, Никиты Евгениана и других авторов XII в. С ними калабрийского поэта роднят и лексические совпадения.

Итак, изданный М. Джиганте корпус итало-византийских поэтов из Отранто XIII в. позволяет не только определить живительность античных истоков византийской поэзии, особенно творческих судеб литературы Южной Италии, понять ее в византийском грекоязычном историко-литературном контексте, но и выявить индивидуальные неповторимые черты различных поэтов, пусть связанных общностью места деятельности, условий жизни, окружения, языка творчества и литературных традиций.

М. В. Бибииков

A. R ö s g e r. *Herrschererziehung in der Historia Augusta*. Bonn, Rheinische Friedrich-Wilhelms-Universität, 1978. 164 S.

Книга А. Рэсгера, ученика видного западногерманского антиковеда И. Штрауба, является частично переработанным разделом диссертации «*Untersuchungen zum Herrscherbild der Historia Augusta (Herrscherbegriff, Herrscherterminologie, Herrscherideal)*». Eine deskriptive Analyse», защищенной в 1976 г. на философском факультете Боннского университета. В предисловии к книге автор останавливается на основных положениях работы, предшествующей опубликованной ее части. Кратко они заключаются в следующем. 1. В основе членения биографического материала НА лежит концепция «всеобщего понятия государя» (*eines allgemeinen Herrscherbegriff*); это понятие характеризуется тем, что для автора НА решающим для включения в корпус жизнеописаний какой-либо персоны являлась не формально-юридическая легальность ее вступления на трон, а определенные внешние

реалии при передаче власти (например, принятие императорских инсигний и титула). 2. Исследование содержания чаще всего применяемых в НА апеллятивов *princeps* и *imperator* позволяет не только семасиологически дифференцировать оба термина, но и в основных чертах представить типологию правителей в источнике. 3. В НА различаются три типа принцепсов — *imperator optimus, medius* и *malus*; при детальной характеристике апеллятива *princeps bonus* выявляются также квалифицирующие его компоненты, как *civis, senator, nobilis* и *Romanus*. На базе перечисленных положений Рэсгер делает попытку «реконструкции идеальной биографии» НА; выражением такой попытки и является опубликованная монография.

Сразу можно сделать два наблюдения. Во-первых, исследователь принадлежит к многочисленным сторонникам идеи одного автора для корпуса жизнеописаний